

НОВІТНЯ ІСТОРІЯ

УДК 94:314.74(47+57+71)«1929»

<http://doi.org/10.46869/2707-6776-2020-11-4>

Виктор Дённингхаус

«МЫ НЕ ТАК ГЛУПЫ, ЧТОБЫ УСТРАИВАТЬ БУНТЫ И ВОССТАНИЯ...»: ПОПЫТКА МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ СССР В КАНАДУ В 1929 г.

Массовое бегство немецких крестьян в Москву в 1929 г. привлекло внимание международной общественности к бедственному положению советских немцев. Неожиданно упорное сопротивление немецкого сельского населения политике социалистических преобразований, его желание выехать из СССР в Канаду, сопровождающееся соответствующими призывами к Западу, укрепили недоверие правящего режима к «нелояльным» национальностям. По мере того, как ухудшались отношения между СССР и Германией, в Москве росло предубеждение против немцев как чрезвычайно реакционной группы населения, дискредитирующей советский строй в глазах мировой общественности. Политбюро ЦК ВКП(б) уделило «эмигрантам» большое внимание не только потому, что периферия оказалась не в состоянии справиться с этой проблемой, но и потому, что речь шла о западных меньшинствах. К тому же эта группа, организованно выступившая против политики советской власти, не укладывалась в «классовую» схему, так как среди немецких крестьян, решивших эмигрировать из СССР, были в основном середняки и бедняки. В оппозиции к советской системе оказалась не социальная, а национальная группа. Режим разрешил это противоречие, перестав считать охваченных «американской лихорадкой» немецких крестьян «нейтральными» и коллективно переведя их в разряд «классовых врагов». На фоне принудительной коллективизации Кремль расценил массовое движение немцев за выезд из СССР как прямую поддержку «правых уклонистов», что придавало этому движению «антисоветский характер». Принадлежность беглецов и их многочисленных сторонников к западному меньшинству побудила органы ОГПУ искать организаторов эмиграционного движения по ту сторону границы. Мирная эмиграция немцев из СССР оказалась специфическим, но очень действенным способом протеста против коллективизации. Ее лавинообразный характер, так же как и обращение за помощью к Германии как к «исторической родине» были сочтены проявлением нелояльности к СССР всего немецкого населения страны. Политика протектората со стороны Германии, направленная на защиту жизни, собственности и основных прав своей «диаспоры», выражалась как в дипломатическом нажиме на Кремль, так и в конкретных актах помощи советским немцам. Подобное покровительство немцам в СССР неизбежно пробуждало у кремлевского руководства опасения, что они, особенно в атмосфере надвигающейся войны, представляют угрозу для безопасности государства.

Ключевые слова: СССР, Канада, Германия, советские немцы, национальные меньшинства, коллективизация, эмиграция, внешняя политика.

В течение всей первой половины 1920-х гг. сохранялся относительно свободный выезд из СССР советских граждан немецкой национальности, как в целях воссоединения с родственниками, так и переселения на постоянное место

жительства в Германию или другие страны. Данное явление характеризовало не столько наличие демократических свобод в СССР, сколько позицию Кремля, согласно которой советское государство покидали в основном лица, недовольные новым социальным строем, что позволяло сократить число «внутренних врагов» и недоброжелателей [1, л. 70об.]. Относительно свободной эмиграции из СССР несомненно способствовала и заинтересованность Кремля в налаживании экономического и политического сотрудничества со странами Запада, что вынуждало советское руководство поддерживать сложившиеся нормы международного права [2]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в начале 1920-х гг. в СССР набирал силу НЭП, складывались сравнительно благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития крестьянства, что, в свою очередь, несколько поубавило общее число желающих эмигрировать [3, с. 88-89; 4, s. 471-473]. Сказывалось и потепление отношений Советского Союза с Германией, выразившееся в налаживании обоюдновыгодного сотрудничества в области экономики, в культурной, военной и научной областях.

Основную часть немецкоговорящего населения, выезжавшего в этот период из СССР, составили именно меннониты, первыми осознавшие всю бесполезность как сопротивления политике советской власти, так и попыток конструктивного диалога с ее носителями [5, с. 192-200]. В целом за время нэпа за океан перебралось около 20 тыс. меннонитов [6, s. 159; 7, s. 278], не пожелавших принимать участие в качестве «подопытных» в «великом социальном эксперименте» [8, л. 8; 9, л. 3; 10, л. 68]. Большую часть из них – около 60% – составили выходцы из Украины, где успехи советизации были намного заметнее, чем на восточных окраинах страны. Нестабильность хозяйственного и политического положения меннонитов, недалёковидная и волюнтаристская политика государства по отношению к их национальным традициям, а главное, противоборство атеизма и религии, государственной и частной собственности только стимулировали их отъезд [11, с. 48; 12, с. 148-166; 13, с. 16-19].

Решившиеся на эмиграцию прибегали к услугам многочисленных международных религиозных организаций, предоставлявших им через различные транспортные компании т.н. «кредитовые шифскарты» – оплаченные частично или полностью проездные билеты до места назначения¹. Основным посредником выступало акционерное общество «РУСКАПА»² («Российско-канадско-американское пассажирское агентство»), которое только

---

¹ Для приобретения билета на пароход требовалась «характеристика» от старейшин и представителя церкви, подтверждавшая национальную и религиозную принадлежность эмигранта, его моральные качества, профессиональную подготовку и т.д.

² Кроме «РУСКАПА» активное участие в организации эмиграции меннонитов в Парагвай принимало американское акционерное общество «БОАРД», располагавшее специальным эмигрантским фондом (по сведениям ОГПУ он равнялся 1 млн. долларов).

в 1924-1928 гг. обслужило около 13,5 тыс. человек [14, с. 15-16]. Однако если в 1926 г. из СССР выехало 4 тыс. чел. немецкой национальности, то в 1927 г. – всего 416 человек³ [15, л. 69]. Подобное положение объяснялось не столько быстрым восстановлением крестьянского хозяйства, временным попустительством местных властей несколько «поослабивших вожжи» в немецкой деревне или спадом эмиграционных настроений, сколько введенными с конца 1926 г. общими ограничениями на выезд из СССР «производительных сил». 9 декабря 1926 г. вышел секретный циркуляр ЦИК'а и СНК СССР, в котором всем местным органам власти предписывалось отказывать в льготах и освобождении от сборов при оформлении выездных документов не только гражданам, лишенным избирательных прав и находящимся под судом и следствием, но и тем, чей выезд за границу был бы *«нецелесообразен с точки зрения общегосударственных интересов»*, включая меннонитов.

Несмотря на все принятые Центром меры, число меннонитов, желавших эмигрировать из СССР, регулярно увеличивалось. По данным, представленным Сталину зам. председателем ОГПУ Г.Г. Ягодой, в «РУСКАПА» и «Совторгфлоте» к началу 1927 г. официально зарегистрировались на выезд из страны около 7,5 тыс. меннонитов. К концу апреля 1927 г. численность потенциальных эмигрантов только на территории РСФСР выросла до 10 тыс. человек [11, с. 48, 333]. Начальник Информационного отдела ОГПУ СССР Н.Н. Алексеев, оценивая положение в немецких селениях СССР осенью 1927 г., в своей аналитической записке в адрес высшего партийного руководства делал следующие прогнозы на будущее: *«Отдельные колонии предполагают целиком эмигрировать в Америку и Канаду. Эмиграционное настроение, вызванное недовольством колонистов принципами землепользования, ограничивающими возможность расширения хозяйств, существовало и раньше, и лишь усилилось в связи со слухами о войне...»* [16, л. 27]. В 1928 г. желание эмигрировать охватило еще больший круг немецкоговорящего населения СССР, что напрямую было связано как с ликвидацией меннонитских кооперативных объединений в стране [17, с. 7-43], активизацией процесса «раскулачивания» и коллективизации, так и новым витком репрессивной политики по отношению к религии и верующим⁴. Подстегнул волну немецкой эмиграции голод, охвативший к весне 1928 г. все южные округа Украины и явившийся прямым следствием «социальных реформ», жесткой хлебозаготовительной кампании и административного произвола в деревне [18, с. 239-240; 19, с. 150-156].

---

³ В 1928 г. СССР покинули 1,286 чел. немецкой национальности.

⁴ С 1928 г. религиозные общины были лишены права осуществлять благотворительную деятельность, а также оказывать верующим медицинскую и иную помощь. 8 апреля 1929 г. вышло совместное постановление ЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях», направленное на максимальное ограничение роли и влияния религиозных организаций на общественную жизнь.

На страницах германской прессы все чаще стали появляться репортажи о раскулачивании в немецкой деревне, борьбе с религией, насильственной коллективизации и желании колонистов любыми путями покинуть советское государство. Германская печать не обходила стороной и проблемы «социальных реформ» в немецких колониях СССР, прогнозируя предпосылки массового голода на юге страны и провоцируя читателей заголовками типа «В России голодают немецкие семьи» [20, s. 352-353]. Не оставались безучастными к судьбе советских немцев и дипломатические представительства Германии в СССР, регулярно представлявшие в Берлин информацию о положении в немецкой деревне и нуждах «братьев по вере». Уже с конца июля 1928 г. в посольстве Германии в Москве стали разрабатываться мероприятия на случай необходимости оказания продовольственной помощи «колонистам». С весны этого же года, в поездку по южным регионам СССР для ознакомления с хозяйственным состоянием «немецких колоний» был послан атташе Германского посольства Отто Аухаген, курирующий вопросы сельского хозяйства [21, s. 7-11].

В отличие от начала 1920-х гг., когда массовый голод был официально признан советским правительством и оно само ходатайствовало о международной поддержке (включая германский Красный Крест) [22, s. 309-310], существование «критической продовольственной ситуации» в 1928 г. полностью отрицалось Кремлем, уже даже не допуская мысли о «вмешательстве» Запада. В августе 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально отвергло «германское предложение» об оказании продовольственной помощи немецким селениям юга Украины [23, л. 15], а в ноябре 1928 г. [24, л. 14; 25, л. 22] – аналогичное ходатайство комитета Фритьофа Нансена в отношении меннонитов⁵. Причем, «предложение Нансена» выносилось на заседания Политбюро ЦК ВКП(б) несколько раз и в начале 1929 г., где оно также отклонялось с регулярным постоянством [26, л. 28; 27, л. 26; 28, л. 12]. Вместе с тем, начиная с весны 1929 г., сотрудники консульств Германии все чаще стали сообщать об ухудшении положения «немецких колонистов» и их желании покинуть страну [20, с. 354; 29, с. 5-62].

Особенностью эмиграционного движения немцев конца 1920-х гг. явилось прежде всего то, что в нем приняли участие представители всех социальных слоев. Причем, именно немецкая беднота составила основной костяк желавших выехать из СССР, несоизмеримо превысив долю представителей из «зажиточных слоев» [30, л. 11об.]. Создание «единого национального фронта», выступавшего против коллективизации, массовое желание колонистов эмигрировать из страны, а также активизация германских дипломатических служб вынудили руководство ЦК ВКП(б) более детально заняться «немецкой

---

⁵ Фритьоф Нансен (Fridtjof Nansen) являлся с 1921 г. верховным комиссаром Лиги наций по делам беженцев («Нансеновский комитет») и руководил оказанием помощи голодающим в СССР.

проблемой» [18, с. 276-277]. 24 октября 1928 г.⁶, после «инспекции» немецких селений Крымской АССР, Южной Украины и Сибири сотрудником Германского посольства Аухагеном [21, с. 74-75], Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение о создании специальной комиссии из работников Отдела по работе в деревне и ЦБ немсекций. Целью комиссии явилась проверка состояния «партийно-советской работы и хозяйственного строительства в немецких колониях», а главное – выявление причин, побуждающих немецкое крестьянство к эмиграции из СССР. Выводы, к которым в результате детального обследования целого ряда округов и районов Советского Союза пришли ее члены, не вполне вписывались в традиционную схему о «вредителях» и «классовых врагах». Дело в том, что основную тяжесть вины за эмигрантские настроения комиссия возложила не на «кулаков» и духовенство, а на местные советские и партийные органы. Так, практически во всех обследованных ею регионах были зафиксированы более высокие нормы обложения налогами немецких колоний⁷, чем находящихся по соседству иноязычных деревень – при фактически одинаковой урожайности и доходности хозяйств [31, л. 128]. Оценка хозяйственного положения немецких колоний «как сплошь кулацких» привела к повсеместным «перегибам» в отношении лишения части населения избирательных прав (до 12%), нарушению «революционной законности» в процессе хлебозаготовок, когда зерно насильно изымалось не только у «кулаков», но и бедняков и т.д. Безусловно, что подобные «мероприятия» советской власти, особенно на фоне развернувшейся борьбы с религией, не могли не подстегнуть эмиграционные настроения в немецкой деревне, породив многочисленные лозунги в ее пользу: «Советская власть хочет, чтобы мы все были бедными», «Советская власть разоряет немецкое крестьянское хозяйство путем более высокого налогового обложения», «В Америке и Германии лучше жить, там можно хозяйничать, как хочется» и т.п. [32, л. 67]. В отчете комиссии однозначно давался прогноз на дальнейшее расширение эмиграционного движения среди немцев по всей стране (в Крыму, Украине, Сибири и Северном Кавказе), массовость которого сдерживалась только «административными мерами», в том числе отказами в выдаче паспортов [32, л. 67-68об.].

Вместе с тем комиссия выявила довольно своеобразную специфику развития немецкой деревни в послереволюционный период. Во-первых, темпы

---

⁶ В 1928 г. Отто Аухаген лично посетил целый ряд регионов СССР, с целью обследования положения немецкого населения: в мае – Крымскую АССР; в июле-августе – Украину; в августе-сентябре – Сибирь.

⁷ Так, в Крымской АССР, к примеру, в сельсовете Нойзатц [Neusatz] (всего 5 селений) две немецкие колонии (166 хозяйств, 1,300 дес. земли) обязаны были сдать 38 тыс. пудов хлеба, а два русских и одно татарское село (274 хозяйства, 2,700 дес. земли) в пять раз меньше (7 тыс. пудов).

кооперирования в немецких колониях были очень высокими⁸: по линии потребительской кооперации было объединено около 85% немецких хозяйств, по линии сельскохозяйственной – 65% [19, с. 151]. Причем, «зажиточная и кулацкая часть» немецкого крестьянства была кооперирована в большей степени, чем ее «бедняцко-средняцкая часть» [32, л. 62]. Несмотря на социальное и имущественное расслоение колонистов, главной предпосылки «обострения классово-борьбы», все попытки властей расколоть немецкую деревню на «богатых и бедных» особого успеха не имели. Фактор религиозно-культурной традиции оказался более сильным средством внутреннего сплочения немцев, особенно у меннонитов, чем ростки «классовой ненависти». Именно этим обстоятельством комиссия объяснила и «неправильное использование фондов кооперирования», который в немецких селениях распределялся без соответствующей «классовой дифференциации» как «кулакам», так и беднякам [30, л. 14-16].

Во-вторых, несмотря на определенные успехи коллективизации в немецкой деревне⁹, социальный состав колхозников был весьма далек от «идеала»: в колхозах мирно сосуществовали не только бедняки и середняки, но и кулаки¹⁰ [32, л. 62-63].

В-третьих, на фоне «русификации» немецких сельсоветов, острого недостатка «красных» учителей и слабости партийно-комсомольских организаций еще более усилилась роль духовенства в немецкой деревне [32, л. 66], активно формировавшего «единое религиозно-национальное объединение всех немцев», в независимости от их имущественного положения¹¹.

Высшее партийное руководство не совсем удовлетворили выводы и оценки «состояния немецкой деревни», к которым пришли члены комиссии. Вместе с тем, руководство ЦК ВКП(б) все же получило то, что и требовалось доказать – наличие подрывной деятельности «классово-враждебных элементов» в немецких селениях и районах СССР. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» от 12 апреля 1929 г., в котором указывалось на необходимость принятия срочных мер в отношении представителей немецкого меньшинства, явилось конечным результатом «обработки» материалов указанной комиссии [32, л. 57-59; 33, л. 127-128]. В целом, содержание постановления сводилось к пяти основным «блокам»: 1) мобилизовать руководящих партработников для

---

⁸ Так, к маю 1929 г., количество колхозов в национальных немецких районах в УССР возросло почти в два раза, а число «обобщественных» крестьянских хозяйств – в три.

⁹ Так, если в Северо-Кавказском крае в 1927 г. в колхозы вошли только 1,7% немецких хозяйств, то в 1928 г. – уже 19,6%.

¹⁰ Например, в Северо-Кавказском крае доля середняков в колхозах составила к началу 1929 г. 42,9%, кулаков - 6,1%.

¹¹ Так, если в Волынском округе (УССР) в 1926 г. было зарегистрировано 11 евангелических общин (1,225 чел.), то через год их число увеличилось почти втрое, достигнув 30 (2,699 чел.).

«разоблачения антисоветской сущности агитации за эмиграцию»; 2) провести 100% охват сельхозкооперацией всех немецких крестьян; приступить к строительству МТС и колхозов-гигантов; 3) обратить повышенное внимание на культурное обслуживание немецкой деревни; 4) активизировать процесс «коренизации» советского аппарата и перевода всей массовой работы на немецкий язык; 5) продолжить вовлечение в ВКП(б) бедняков, батраков и «лучших элементов» из колхозников [33, л. 22-23]. Другими словами, апрельское постановление ЦК ВКП(б) свелось к общим «предложениям» всей вертикали власти, как партийных, так и советских органов, повторив, уже не раз изложенные и апробированные ЦБ немсекций «проекты», для внедрения и осуществления которых в немецкой деревне не было ни соответствующей базы, ни подготовленных сил.

Так как в это время в высших эшелонах власти разворачивалась борьба между сторонниками и противниками НЭПа¹², отстранялась от власти «правая оппозиция» и страна все глубже погружалась в экономический кризис, апрельское постановление Секретариата ЦК ВКП(б) в отношении немцев фактически прошло незамеченным как для ЦК КП(б)У, так и целого ряда краевых (областных) комитетов партии – Крымского, Сибирского, Нижне-Волжского, Средне-Волжского, Северо-Кавказского, Казахстанского и Закавказского [30, л. 17; 34, с. 198-200].

К началу осени 1929 г., на волне подъема ультралево́й политики форсированной индустриализации и насильственного объединения в колхозы миллионов крестьянских хозяйств [35, с. 23], давление на немецкую деревню не только не уменьшилось, а наоборот усилилось¹³ [31, л. 126об.-127]. По словам самих ответработников на местах, они несколько «перетянули гайку». Немецкие крестьяне, не желавшие «коллективизироваться», все упорнее стремились покинуть СССР, а местные власти столь же упорно стремились их удержать. Большинство тех, кто подавал заявление о выдаче заграничного паспорта, не удовлетворившись отказом на местах, продолжало обжаловать его в вышестоящих инстанциях, вплоть до ОГПУ и ВЦИК.

Не получив паспортов, наиболее решительная часть немецких крестьян, распродав за бесценок свое имущество, выехала в Москву, чтобы через

---

¹² Пленум ЦК ВКП(б) (апрель 1929 г.), XVI партконференция (апрель 1929 г.), V съезд Советов СССР (май 1929 г.).

¹³ Так, если в Одесском округе в октябре 1927 г. имелось всего 13 немецких колхозов, объединявших ок. 1% всех немецких хозяйств, то к июню 1929 г. их число достигло 79, с охватом 14,6% всех немецких хозяйств округа. Если в июне 1929 г. в Высокопольском районе Херсонского округа было коллективизировано всего 17% немецких хозяйств, то в октябре этого же года – уже 30%. В АССР НП только с 1.10.1928 г. по 1.06.1929 г. было организовано 110 новых колхозов, а к началу октября 1929 г. колхозным движением здесь было охвачено уже 12% всех хозяйств республики. Аналогичные тенденции наблюдались в Крымской АССР и Сибири.

«РУСКАПА», представителей Германского посольства и личное обращение к советскому правительству, попытаться добиться разрешения на выезд из страны [14, с. 46; 36, с. 312-322]. *«Особенностью эмиграционного движения от прочих контрреволюционных выступлений заключается в том, – комментировалось в одном из докладов, представленном в Секретариат ЦК ВКП(б), – что кулак-немец [...] в борьбе против социалистической перedelки деревни, [...] не стал прибегать к террору и оружию, а нашел себе отдушину на территории германского и американского капитализма...»* [30, л. 11]. Летом 1929 г. три группы (преимущественно меннонитов из Сибири), общей численностью около 300 чел., пробыв в советской столице около трех месяцев, добились от ВЦИК долгожданного разрешения на выезд в Канаду [5, с. 246, 249-250; 14, с. 46]. Подобный прецедент получение паспортов в Москве без разрешения на то местных властей, на фоне усиления темпов коллективизации и административного произвола в деревне, послужил сигналом для выезда в столицу сотен немецких крестьян, уже давно «сидевших на чемоданах» и вызвал своего рода цепную реакцию. Последними, получившими официальное разрешение покинуть страну, стали 60 немецких семей, эмигрировавшие из Советского Союза в августе 1929 г. [21, с. 54].

16 сентября 1929 г. ВЦИК официально принял постановление о полном прекращении выдачи разрешений на выезд за границу немцам, являющимися советскими гражданами и занимающимися сельским хозяйством. Однако уже было поздно: массовый выезд немецких колонистов в столицу приобрел характер панического бегства [30, л. 11-11об.; 7, с. 283-284]. Если к середине сентября численность беженцев, осевших в дачных поселках под Москвой, составляла около тысячи чел., то к концу сентября она увеличилась более чем в два раза¹⁴ [7, с. 287]. Численность лиц, готовых к отъезду, включая уже находившихся в пути, доходила по данным ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) до 20 тыс. чел. [20, с. 356-357; 21, с. 58] Антисанитарные условия проживания, опасность пожаров в непригодных для зимы помещениях, недостаток продуктов и отсутствие медицинской помощи – все это грозило со временем перерасти в гуманитарную катастрофу. Необходимо признать, что появление в Москве огромного числа немцев, желающих выехать из СССР и буквально осадивших Германское посольство, ставшее для них в условиях практически полного бессилия «РУСКАПА» последней надеждой, сильно осложнило работу дипломатов. Положение усугублялось еще и тем, что все эти события разворачивались на фоне заметно ухудшившихся советско-германских отношений, вызванных кампанией борьбы против «правой оппозиции» внутри СССР и «социал-фашистов» (социал-демократов) в Германии [14, с. 48;

---

¹⁴ К концу первой декады ноября число желающих покинуть СССР достигло уже около 13 тыс. человек. Большинство из них прибыло из Сибири, Казахстана, Крыма и Северного Кавказа. Около 3 тыс. беженцев уже имели на руках билеты в Канаду, оплаченные иностранными меннонитскими организациями.

37, s. 225-230; 38, s. 99-101]. Необходимо подчеркнуть, что германский посол Герберт фон Дирксен, еще в августе 1929 г., т.е. до начала массового эмиграционного движения, попытался через своих сотрудников довести до сведения «немецких колонистов», желающих покинуть СССР, что существующее положение дел не позволяет им помочь [5, с. 247-249].

К середине октября 1929 г. число находящихся под Москвой беженцев, преимущественно меннонитов, превысило уже 5 тыс. человек [21, s. 54]. Эмиграционное движение немцев стало захватывать и русскоязычных крестьян, которые все чаще стали подсаживаться в «немецкие поезда». К этому времени руководство МИДа Германии распорядилось направить в Москву для неофициальных переговоров руководителя Русского отдела, консула Карла Динстманна [20, s. 358]. «Повышенный интерес» германского правительства к немцам – гражданам СССР был расценен Кремлем, как определенное вмешательство во внутренние дела советского государства. Несмотря на то, что советское руководство было вынуждено признать МИД Германии в качестве партнера, «интересующегося» делами немецкого нацменьшинства в Советском Союзе, оно регулярно подчеркивало неофициальный характер проводимых переговоров, не забывая регулярно напоминать о том, «кто в доме хозяин» [36, с. 314].

15 октября 1929 г. сотрудник НКВД Б.Е. Штейн пообещал Динстманну содействие советской стороны в разрешении «колонистской аферы», выставив условием отсутствие официального обращения немецкой стороны, ибо в данном случае оно будет отклонено советской стороной «по формальным соображениям» [36, с. 314].

Сам факт попытки Германии выступить «посредником» в решении «немецкого вопроса» в советском государстве, четко проявившейся с момента массового наплыва колонистов в Москву (заинтересованность германских дипломатов в их выезде из страны; оказываемая беженцам моральная и материальная помощь; мобилизация зарубежных средств массовой информации и т.д.) сыграл, по сути, роковую роль в дальнейшей судьбе немецкого населения СССР. Необходимо признать, что сам посол Дирксен, целиком разделяя мнение о необходимости сохранения «германской самобытности в России», все же считал, что мобилизация средств массовой информации в отношении «защиты немецких колоний» принесет больше вреда, чем пользы. Любая активизация попытки протектората Германии над «колонистами», полагал Дирксен, только усилит внимание советского руководства к «немецкому вопросу» и ускорит проведение коллективизации в немецких селениях. По его словам, было бы наивно полагать, что советское правительство, в угоду развития отношений с Германией, «из-за нескольких сотен тысяч немецких колонистов приостановит свою программу [коллективизацию сельского хозяйства – В.Д.], затрагивающую около 125 млн. человек сельского населения...» [20, s. 355-356]. Остается добавить, что

прогнозы Дирксена были пророческими и полностью подтвердились уже через несколько месяцев.

Проблема «немецких эмигрантов» довольно быстро вышла за рамки «компетенции» руководителей отделов и подотделов ЦК ВКП(б), и уже к концу сентября 1929 г. перешла в сферу особо доверенных соратников Сталина, членов Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотова и Л.М. Кагановича, непосредственно отвечавших за ее решение. Так, на одной из докладных записок, поступившей в Кремль в середине октября 1929 г., в которой сообщалось о посещении «подмосковных» немцев представителями Германского посольства и зарубежными журналистами¹⁵ [39; 40; 41], а также подчеркивалось, что движение немцев за выезд из СССР начинает принимать массовый характер, зампред ОГПУ Г.Г. Ягода приписал: *«Тов. Молотов: есть сведения, что около трехсот человек хотят демонстративно идти к т. Калинину. Предлагаю выслать обратно на места»*. Реакции Вячеслава Молотова – члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и одновременно председателя Совнаркома СССР, долго ждать не пришлось. Последний, ознакомившись с докладом, тут же поставил свою визу: *«Кажется, дело серьезное, надо обсудить. В. Молотов»* [5, с. 263].

Уже 16 октября 1929 г. вопрос «Об эмиграционном движении среди немецких крестьян из СССР» был вынесен на заседание Секретариата ЦК ВКП(б), констатировавшего, что парторганизации Сибири и Средне-Волжской области не только не проявили должного внимания к эмиграционному движению среди немцев, но и полностью проигнорировали постановления ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 г. «О хозяйственном и культурном строительстве в немецких колониях». Острой критике подверглось и партийное руководство советской столицы, *«не проявившее должной чуткости к приехавшим в Москву немецким колонистам»*, что дало повод использовать их *«враждебными элементами»* (т.е., представителями Германского посольства). На заседании Секретариата ЦК ВКП(б) было подчеркнуто, что эмиграционное движение охватило преимущественно «бедноту и середнячество»¹⁶, что однозначно ставило под сомнение всю десятилетнюю политику «советизации» немецкой деревни [30, л. 11об.]. В качестве первоочередных мер по ликвидации «эмиграционных настроений» было решено немедленно отправить всех прибывших в Москву беженцев назад, на места их постоянного жительства. Кроме этого, было предложено провести обследование силами работников

---

¹⁵ 11 октября атташе Аухаген, в сопровождении двух германских и трех американских корреспондентов, посетил поселения «беженцев-колонистов». Идя навстречу пожеланиям посольства Германии, журналисты пообещали не опубликовывать сразу материалы о тяготах «подмосковных беженцев». Поэтому первое сообщение о них появилось в германской прессе только через две недели.

¹⁶ Так, к примеру, в эмиграционном движении в Славгородском округе участвовало 14,6% – бедняков и 56,4% – середняков. Из Оренбургского округа выехало в Москву 20% – бедняков и 35,2% – середняков и т.д.

ЦК ВКП(б) наиболее охваченных «американской лихорадкой» Славгородского и Оренбургского округов, организовать охрану оставленного крестьянами имущества, произвести мобилизацию не менее 50 «немцев от станка» для агитпропработы в немецких селениях, а также направить 15 студентов КУНМЗ для изменения «настроения» подмосковных беженцев [42, л. 42-42об.]. В заключение, специальным протоколом был оформлен еще один, особо секретный пункт постановления Секретариата ЦК ВКП(б): *«Признавая, что причиной усиления эмиграционных настроений среди немецких колонистов является [...] систематическая антисоветская работа враждебных элементов, поручить ОГПУ после отправки приехавших немцев к месту их жительства, принять все необходимые меры по отношению к элементам ведущим среди немцев эту работу...»* [5, с. 263-264].

Состоявшееся через два дня, 18 октября 1929 г., заседание Политбюро ЦК ВКП(б), в целом одоббив постановление Секретариата, все же пришло к мнению *«не возражать против выезда меннонитов, скопившихся возле Москвы»* [43, л. 182]. 19 октября 1929 г. заместитель заведующего 2-м Западным отделом НКВД Н.Я. Райвид проинформировал полпреда СССР в Германии Н.Н. Крестинского об эмиграции меннонитов, так объяснив решение Политбюро: *«Вчера инстанция постановила выпустить их всех за границу, считая, что нам нет нужды задерживать желающие эмигрировать из СССР кулацкие элементы»* [36, с. 315]. Подобное решение объяснялось не столько международной оглаской «американской лихорадки», получавшей все больший резонанс в средствах западной печати, сколько активной позицией замнаркома иностранных дел М.М. Литвинова, считавшего неразумным ухудшать советско-германские отношения из-за «кулацкой эмиграции». Кремлевское руководство также не было заинтересовано в затягивании разрешения данной проблемы, опасаясь расширения «германского протектората» над советскими немцами. Особенно тщательно отслеживались все контакты сотрудников Германского посольства в Москве с немцами-беженцами, а также попытки Германского консульства в Киеве наладить связи с немецкими колониями на Украине [20, s. 361; 21, s. 74-76].

19 октября советское правительство официально дало «зеленый свет» на отправку беженцев из СССР, о чем было тут же сообщено в Германское посольство. Условие было одно – немедленный выезд всех скопившихся под Москвой немцев, без участия посредников из других стран. Советское руководство было настолько заинтересовано в скорейшем отъезде немецких беженцев, что вместо выдачи индивидуальных паспортов, разрешило использовать «коллективные паспорта», т.е. списки, составленные сотрудниками Германского посольства [5, с. 273]. 26 октября 1929 г. Б.Е. Штейн писал Н.Н. Крестинскому: *«Как Вам уже сообщалось, меннонитов мы выпускаем. Сегодня мы обратились в Гермипосольство с просьбой о выдаче групповой визы»* [36, с. 316]. Сделанное Кремлем исключение распространялось

только на зарегистрированных немецких беженцев, т.е. все потенциальные желающие, включая находившихся в пути, от «акции переселения» были отсечены. Все «эмигранты» были вскоре поделены на 11 групп, а через неделю (27 октября) первые две группы (673 чел.) покинули Советский Союз [7, с. 286].

Временное «потепление» в Москве ни в коем случае не означало «изменения климата» в местах компактного проживания немцев в СССР. 26 октября 1929 г. на места была отправлена директива ЦК ВКП(б), в которой констатировалось: *«ЦК КП(б)У, Крымбком, Сибирский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Северо-Кавказский, Казахстанский и Закавказский краевые комитеты партии, особенно Сибирский и Средне-Волжский, [...] прозевали организованное враждебными элементами антисоветское движение, принявшее форму эмиграционного движения»*. В директиве указывалось на необходимость принятия немедленных мер по усилению советизации немецких селений, переброски в них партийных и советских кадров, а главное – полной изоляции всех организаторов и «вдохновителей» эмиграционного движения. Были поставлены и жесткие сроки его исполнения – до 1 декабря 1929 г. [44, л. 107; 1, л. 62-62об.]. Необходимо заметить, что «превентивные меры» по ликвидации эмиграционного движения не заставили себя долго ждать: по немецким селениям прокатилась волна арестов наиболее активных «эмигрантов» и проповедников¹⁷, была приостановлена продажа билетов на вокзалах, начаты проверки в поездах, выставлена ночная охрана деревень, органы ГПУ стали отчитываться каждые три дня о положении на местах и т.д. [30, л. 11об.; 44, л. 111; 45, л. 16]. *«Данные мероприятия [советского – В.Д.] правительства, по моему мнению, необходимы, – заметил по этому поводу атташе Аухаген (28 октября), – в противном случае, нужно ожидать нового массового эмиграционного движения, которое может привести к катастрофе. Хотя, несмотря и на эти меры, можно все же с уверенностью ожидать новой волны эмигрантов...»* [21, с. 58]. Как показали дальнейшие события, прогнозы посольского работника оказались верны. Несмотря на все принятые меры на местах, поток желающих выехать из СССР не только не ослаб, а наоборот усилился. К середине ноября число беженцев, скопившихся под Москвой, достигло 12,5 тыс. чел., большая часть из которых (3/4) представляли меннониты [30, л. 11; 21, с. 76-78].

Положение резко обострилось в конце октября, после того, как канадские власти заявили о невозможности приема беженцев до весны 1930 г. На это заявление сразу же отреагировало германское правительство¹⁸, дав указание

¹⁷ Так, к примеру, в Оренбургском округе тут же было арестовано 25 чел. «активных агитаторов за эмиграцию», в Славгородском округе – 29 чел.

¹⁸ Слабый коалиционный кабинет Веймарской республики, состоящий в основном из представителей левых партий, испытывая огромные трудности, вызванные экономическим кризисом и наличием сотен тысяч собственных безработных, не был готов инвестировать около 3 млн. рейхсмарок, которые были необходимы по подсчетам правительства для временного содержания и последующего транзита «московских беженцев» за океан.

прекратить оформление загранпаспортов российским немцам, посчитав, что в этом случае все финансовое бремя по их содержанию ляжет на Германию [20, s. 362-363]. Не осталась в долгу и Москва, где власти, начиная со 2 ноября, решили больше не выдавать разрешения на выезд из страны и все более склонялись в пользу силового решения проблемы беженцев [46, s. 263-277].

Внешнеполитическое ведомство Германии развернуло интенсивную работу по разрешению сложившегося кризиса: в Оттаве прошли переговоры о срочном принятии эмигрантов, в Москве – об отсрочке депортации российских немцев на места их бывшего пребывания. Руководитель Второго (Западного отдела) НКВД Борис Штейн, в доверительной беседе с советником посольства Твардовским, замещавшим на время отпуска посла Дирксена, отметив полную неожиданность для руководства страны подобного демарша «колонистов» [1, л. 62-62об.], подчеркнул готовность НКВД содействовать их выезду, несмотря на сопротивление представителей «внутренних ведомств» [36, с. 316]. Указав Твардовскому на нежелательность афиширования данной акции в средствах массовой информации, Штейн предупредил его, что если Запад немедленно не возобновит прием «колонистов», их вывезут назад, на восток [20, s. 361; 47, s. 100-101].

В своей телеграмме в МИД от 8 ноября 1929 г. фон Твардовски писал, что Г.В. Чичерину *«со ссылкой на Германию удавалось до сего времени, и даже на срок после 7 ноября, оттянуть транспортировку колонистов к местам проживания. Но теперь все возможности исчерпаны. Сразу же после окончания праздников лагерь беженцев должен быть ликвидирован, если только из Германии не поступит позитивный ответ в отношении выдачи виз эмигрантам»* [36, с. 316].

Однако, вопреки потугам руководства СССР и Германии, не желавших *«из-за каких-то кулаков»* ухудшения дипломатических отношений между странами, «status quo» был нарушен. Средства массовой информации Германии развернули активную кампанию, как против собственного правительства страны, обвиненного журналистами в нерешительности, так и против руководства СССР, вызвавшего своими реформами катастрофу в «немецких колониях». Титульные страницы ежедневных газет запестрели жирными заголовками о бедственном положении *«подмосковных беженцев»* и *«искоренении германской самобытности в Советском Союзе»*. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, в свою очередь, предостерег германское правительство об использовании *«колонистской эмиграции»* в пропагандистских целях, и о последствиях подобной политики для самих *«немецких беженцев»* [20, s. 361; 21, s. 82].

Одним из камней преткновения в вопросе помощи *«колонистам из СССР»* явилась проблема финансирования. Причем особую тревогу в Берлине вызывали не столько расходы на вывоз и содержание нескольких тысяч *«советских беженцев»*, сколько последствия подобной акции, а именно –

нарастание эмиграционных настроений среди немецких крестьян. По данным Аухагена, около 800 тыс. немцев были готовы покинуть «советский рай» [21, s. 57, 61-62]. Поэтому, не вызывает особого удивления острая полемика по данному вопросу, развернувшаяся в правительственных кругах Германии. Старший правительственный советник Планк, к примеру, предложил не только отклонить ходатайство МИД, касавшегося поддержки выезда «московских немцев» из СССР, а наоборот – выделить деньги на отправку беженцев назад, «в Сибирь». Против оказания помощи выступил и министр финансов, представитель социал-демократической партии Хильфердинг, посчитав, что последствия подобной акции, как финансовые, так и политические, могут быть непредсказуемыми. Свою позицию он объяснял тем, что число «подмосковных беженцев» за считанные дни достигло 15 тыс. чел., а около 80 тыс. «немецко-колонистов» уже сидят на чемоданах. Большие сомнения в пользу данной акции имелись и у премьер-министра прусского правительства, социал-демократа Отто Брауна [20, s. 362; 48, p. 1].

Необходимо заметить, что кремлевское руководство не осталось пассивным наблюдателем нарастающего потока немецких крестьян¹⁹. С конца октября представители органов ОГПУ начали проводить регулярные облавы на предмет проверки регистрационных документов и аресты [36, с. 317-318; 21, s. 79], заблокировав все подходы к Германскому посольству в Москве (По данным Германского посольства, к 16 ноября 1929 г. было арестовано в общей сложности около 1 тыс. чел.). Свои опасения по вопросу нарастания эмиграционных настроений среди немцев высказал и секретарь ЦБ немсекций И. Гебхарт. В своей докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу от 5 ноября 1929 г., отметив направление в немецкие села дополнительных «5 партийцев-немцев для ведения агитационной работы», создание «ударных бригад» в отдельных окружках и крайках СССР, а также развернувшуюся «разъяснительную работу об антисоветской сущности эмиграционного движения» в немецкоязычных изданиях [49; 50], Гебхарт открыто высказал свои опасения по вопросу обуздания сложившейся ситуации: «Эмиграционное движение среди немецких крестьян охватывает все новые районы, особенно после того, как на местах стало известно, что немецким крестьянам, которые находятся под Москвой, разрешен выезд из СССР в Канаду». Основные меры, предложенные секретарем ЦБ немсекций, сводились к следующему: 1) организовать Правительственную комиссию с выездом ее членов на места и ознакомления с положением дел в колониях; 2) выслать часть

---

¹⁹ 15 ноября 1929 г. органы ОГПУ начали массовые аресты лидеров эмиграционного движения и приступили к насильственному возвращению беженцев на места их прежнего проживания. По данным секретаря немецкой секции при АПО ЦК ВКП(б) И. Гебхарта, в ночь с 15 на 16 ноября было арестовано около 500 семей эмигрантов, а среди оставшихся на свободе было проведено собрание, в результате которого около 100 семей изъявили желание «добровольно» вернуться в Сибирь.

немецких крестьян обратно «для стабилизации» ситуации в колониях; 3) не допускать приезда в СССР международных комиссий канадских врачей с целью отбора эмигрантов, *«т.к. как она несомненно будет отбирать только здоровых, а больных и нетрудоспособных оставлять в СССР»* [5, с. 278-279].

В этот же день, 5 ноября 1929 г., на имя секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова поступила докладная записка от зам. начальника ОГПУ Г.Г. Ягоды и начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Я.К. Ольского о проводимых «мероприятиях» в местах компактного проживания немецкого населения: *«По всем подверженным эмиграционному движению районам [...] проведены аресты организаторов и руководителей движения – кулаков, попов и лиц, связанных с “РУСКАПА” и прочими заграничными организациями, занимающихся вербовкой к эмиграции немцев-колонистов из СССР»*. В представленном докладе делался акцент на то, что *«эмиграционное движение, вопреки всем принятым мерам, расширяется»*. *«Известие о разрешении выезда за границу колонистам, накопившимся под Москвой, – отмечали руководители ОГПУ, – используется на местах как доказательство успешности и целесообразности решительного, организованного действия и дает новый стимул к эмиграции»*. Приводя примеры по активизации движения в Украине, АССР НП, Средне-Волжском крае и Крымской АССР, Ягода и Ольский подчеркивали: *«Движение организовано хорошо, руководителями преследуется цель путем эмиграции устроить эффективную политическую демонстрацию против Сов[етской] власти и нанести ущерб престижу ее...»* [44, л. 109-110; 30, л. 10об.-11]. Необходимо указать, что с конца октября 1929 г. в сообщениях, поступающих в Кремль, все чаще муссировался тезис о том, что основным организатором эмиграционного движения выступает не «кулацко-поповский блок», а «заграничные агенты», занимающиеся «антисоветской агитацией» среди немцев-колонистов [51, с. 33-35].

Несмотря на то, что 12 ноября 1929 г. стало известно о поддержке рейхспрезидентом Паулем фон Гинденбургом проведения акции по сбору средств на содержание эмигрантов, и 14 ноября 1929 г. на встрече лидеров политических партий Германии было принято решение о выделении правительством 5-6 млн. марок, а в ближайшее время ожидался последний шаг немецкой стороны в решении вопроса – подтверждение предоставления средств бюджетным комитетом Рейхстага. 15 ноября 1929 г. органы ОГПУ начали аресты лидеров эмиграционного движения и приступили к организации насильственного возвращения беженцев на места их прежнего проживания. В ночь с 15 на 16 ноября около 500 глав немецких семейств, проживавших в самых отдаленных подмосковных поселках, были арестованы. Часть из них была вывезена в Москву и подвергнута допросу на предмет выявления «агитаторов» и наличия связей с Германскими дипломатическими представительствами. В процессе дознания «эмигрантам» было обещано прощение за участие «в контрреволюционной акции», а в случае

«добровольного» возвращения на места их постоянного проживания – пятисотрублевая ссуда для выкупа проданного имущества, продовольственная помощь и семена.

Насильственное давление органов ГПУ на «подмосковных беженцев» только усилило интерес германской прессы к данной проблеме. 13 ноября целый ряд газет (Франкфуртская газета, Берлинская ежедневная газета, газета «Вперед» и т.д.) вышли с призывами благотворительных организаций о помощи немцам в СССР, под весьма красноречивыми заголовками: «Братья в нужде!». Рейхспрезидент Германии Пауль фон Гинденбург, как почетный президент Красного креста, обратился к гражданам с просьбой о пожертвованиях в пользу беженцев [20, s. 363; 52, s. 119-128]. Подлила масло в огонь и статья в защиту «колонистов» самого атташе Германского посольства в Москве Аухагена, вышедшая в ноябрьском выпуске журнала «Восточная Европа». В ней он не только наглядно продемонстрировал масштаб бедственного положения немецких крестьян в Советском Союзе, но и назвал причину их «массового бегства» в Москву – политику насильственной коллективизации. С целью усиления общественного резонанса, Аухаген разослал копию своей статьи во все центральные газеты, которые тут же стали использовать его материал для своих публикаций [21, s. 62-73; 53, s. 271-273]. К середине ноября, благодаря этой акции, практически все ежедневные газеты стали посвящать проблеме «колонистов» целые страницы, не только призывая германское правительство к немедленной помощи «своим братьям», но и резко критикуя политику советского руководства [54]. Антисоветский тон газетных статей, по мнению советника Германского посольства Твардовского, мог привести только к одному исходу – немедленной депортации «подмосковных немцев» на места их постоянного проживания. В своих сообщениях Твардовский умолял работников МИД усилить контроль за содержанием газетных материалов, не публиковать репортажи бывших колонистов о жизни в СССР, а главное – ускорить приемку беженцев в Германию [20, s. 364-365].

18 ноября 1929 г. германское правительство все же уступило давлению прессы и общественных организаций, объявив о готовности немедленно принять четыре тысячи человек. Вопрос о приеме остальных беженцев должен был решиться на заседании Бюджетной комиссии рейхстага 25 ноября 1929 г. Однако было уже поздно. Начиная с вечера 17 ноября, органы ГПУ начали организованный сбор «немцев-колонистов» для отправки их назад, в свои селения [7, s. 287]. Советское руководство, не считаясь с напряженными дипломатическими отношениями, подкрепленное нерешительностью германского правительства и развернувшейся массовой антисоветской кампанией в прессе, решило больше не затягивать этот вопрос. Уже к концу ноября 1929 г. самые населенные немецкими беженцами поселки Подмосковья были «очищены» от переселенцев. Возвращение беженцев назад, на места их постоянного проживания, служило задаче отбить охоту всем желающим

покинуть страну, а главное – пресечь все слухи о возможностях эмиграции из СССР. 18 ноября с подмосковных станций отошли восемь первых железнодорожных составов с «эмигрантами»: четыре – в «восточном» и четыре – в «южном направлении» [21, s. 79-82]. Необходимо заметить, что операции насильственного выселения предшествовала докладная записка Гебхарта от 17 ноября 1929 г. в Секретариат ЦК ВКП(б), в которой он охарактеризовал положение около 15 тыс. скопившихся под Москвой немецких крестьян как «катастрофическое» и требующее «немедленных мер по разгрузке». 18 ноября, в день высылки «подмосковных беженцев», были предприняты санкции и в отношении «РУСКАПА», чья вербовочная переписка с немецкими крестьянами была квалифицирована советским руководством как «правый уклон», а также всех остальных пароходных компаний, обслуживавших эмигрантов из СССР. Отныне им запрещалось субсидированное обеспечение переселенцев-немцев проездными документами, а органы ГПУ приступили к роспуску и ликвидации «всех организаций и обществ» на местах, способствующих эмиграционному движению [14, с. 52-53].

20 ноября представитель НКВД Б.Е. Штейн официально сообщил руководству Германского посольства в Москве о невозможности обсуждать какие-либо технические подробности эвакуации, так как *«соответствующие административные власти, не имея возможности ожидать неопределенное время разрешения Германским правительством вопроса о визах, и, принимая во внимание, что пребывание беженцев под Москвой служит стимулом для дальнейшего увеличения их числа, вынуждены были поставить перед правительством вопрос о пересмотре ранее принятого решения и о коренном разрешении всего вопроса в целом»*. Далее Штейн заявил, что *«правительственное решение ожидается не ранее 25 числа и я в настоящий момент не могу сказать ничего позитивного»* [5, с. 315].

Однако полемика по вопросу немецкой эмиграции из СССР в Германии не только не прекратилась, а наоборот, получила дополнительный импульс²⁰. Газетные репортажи сместили свой аспект с «немцев-колонистов» на советскую систему, вызвавшую их бегство. Почти вся некоммунистическая пресса оценила действия беженцев как яркий симптом болезни всего советского общества, более того – его возможного конца [20, s. 368-369; 21, s. 74-76].

---

²⁰ Что касается советских журналистов, то они довольно поздно отреагировали на «колониетский вопрос». Только в 20-х числах ноября 1929 г. в центральных газетах появились первые статьи об антисоветской кампании, развернутой западными средствами массовой информации, в связи с «кулацкой эмиграцией». Журналисты обвиняли германское правительство в клевете и вмешательстве во внутренние дела СССР. 28 ноября 1929 г. в «Правде» появилась статья об атташе Аухагене, который был назван *«кулацким идеологом с дипломатическим паспортом»*, подстрекающим «немецких колонистов» против аграрной программы советского правительства. В начале 1930 г. Аухаген был освобожден от должности атташе Германского посольства и покинул СССР.

Рейхспрезидент Германии Гинденбург выделил общественной организации «Братья в нужде» из своего депозитного фонда 200 тыс. рейхсмарок, призвав организации и частные лица помочь в сборе средств для помощи «колонистам» в СССР. Германская почта и частные банки развернули организованный прием пожертвований, а руководство железной дороги осуществляло бесплатную транспортировку собранных вещей. Несмотря на все интенсивные попытки Германского МИД приостановить высылку беженцев, органы ГПУ только за одну неделю, успели вывезти из Москвы около восьми тысяч немецких колонистов [20, s. 366-367].

21 ноября министр иностранных дел Юлиус Куртиус поручил советнику посольства Твардовскому официально заявить Литвинову, «что отказ советского правительства на выезд из страны [немецких беженцев], несмотря на решение Кабинета министров, рассматривается германской общественностью, как недружественный акт по отношению к германскому правительству» [20, s. 367]. Аналогичное заявление прозвучало и в беседе Куртиуса с полномочным представителем СССР в Германии Крестинским [20, s. 367-368].

Решительные действия немецкой общественности и твердая позиция германского правительства вынудили кремлевское руководство пойти на уступки. Политические отношения между двумя странами обострились настолько, что руководство НКВД смогло переломить сопротивление ОГПУ²¹ [20, s. 368; 14, с. 63-64]. 25 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б) [17, с. 321-322], на котором было принято компромиссное решение: разрешить выехать из страны всем беженцам, которых еще не успели вывезти из Подмоскovie²² [7, s. 287; 21, s. 137-138]. Посол Дирксен, в свою очередь, обратился к своему руководству с просьбой приостановить нападки германской прессы на советское правительство. Однако затишье продлилось недолго. Прибывшие в Германию беженцы – 5671 чел. – из первых рук поведали журналистам о всех своих тяготах и невзгодах в стране Советов, что тут же выплеснулось на страницы многочисленных германских газет и журналов [20, s. 368].

Таким образом, около 6 тыс. представителей немецкой национальности смогли покинуть «страну рабочих и крестьян», однако большая часть эмигрантов, около 8 тыс. чел., была насильственно отправлена назад. «Возвращенцы», а также все те, кто не смог или не успел приехать в Москву, были взяты «на контроль» органами ОГПУ. «Агитаторы» и активисты, «засветившиеся» в период «американской лихорадки», были арестованы.

---

²¹ По мнению Н.Н. Крестинского, «колониистская афера» была на руку социал-демократической партии, развернувшей антисоветскую пропаганду в Германии, чтобы дискредитировать коммунистов на коммунальных выборах.

²² Из 5671 граждан немецкой национальности, покинувших СССР, 3885 составляли меннониты, 1260 – лютеране, 468 – католики, 51 – баптисты. Семь человек являлись адвентистами.

Повышенное внимание к проблеме немецкой эмиграции со стороны Политбюро ЦК ВКП(б) объяснялось не столько «переносом» проблемы с периферии в столицу, сколько специфической особенностью «эмигрантов», представлявших нацменьшинства Запада. Причем контингент, организованно выступивший против политики советской власти, совершенно не вписывался в привычную схему «классовых врагов», т.к. большинство из немецких крестьян, желавших покинуть СССР, являлись ее социальной «опорой» – середняками и бедняками [30, л. 20]. «Национальное единство» однозначно превалировало над «классовым самосознанием», что автоматически переводило охваченных «американской лихорадкой» немецких крестьян из статуса «неопределившихся» в статус «классовых врагов»²³ [5, с. 395-405]. Массовое движение немцев за выезд из СССР на фоне кардинальных реформ в деревне было расценено Кремлем как прямая поддержка «правых уклонистов», что придало ему «выраженный антисоветский характер» [30, л. 12об.]. Принадлежность беженцев и их многочисленных сторонников на местах к западной национальности дало возможность органам ГПУ искать «организаторов» эмиграционного движения за пределами советского государства. К подобной ненасильственной форме сопротивления в виде массовой эмиграции из СССР оказалась неготовой ни местная, ни центральная власть. Массовость эмиграционного движения, а также обращение немцев за помощью к зарубежному государству, в данном случае Германии, однозначно определили в глазах большевистского руководства низкую степень лояльности к советской власти как самих беженцев, так и их многочисленных сторонников на местах.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-3316. – Оп. 23. – Д. 1339.
2. Toews J.B. Lost Fatherland. The story of Mennonite emigration from Soviet Russia, 1921-1927. – Scottdale, Pa.: Herald Press, 1967. – 262 p.
3. Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. – Баку 1998. – 314 с.
4. Unger H. Ein paar Worte über die Emigration der Ukrainer Mennoniten nach Amerika // Die Arbeit. – 1923. – № 1(20). – S. 471-473.
5. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. – Новосибирск: Посох, 2009. – 752 с.

---

²³ В своем докладе об итогах обследования эмиграционного движения немцев (2.02.1930 г.) инструктор ЦК ВКП(б) Г.А. Козлов процитировал заявление немецкого крестьянина Матиса из села Претория (Оренбургский округ): *«Нам развивать свое хозяйство дальше нельзя, дорога в колхоз нам закрыта, мы не так глупы, чтобы устраивать бунты и восстания. У нас есть другой выход: мы свернем полностью наше хозяйство и уедем отсюда в Канаду, там мы сумеем хозяйствовать, как хозяйствовали раньше...»*.

6. Ehrh A. Das Mennonitentum in Rußland. – Langensalza-Berlin-Leipzig: Verlag von Julius Beltz 1932. – 175 s.
7. Detlef B., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919-1938. – Essen: Klartext Verl., 2001. 495 s.
8. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 17. – Д. 677.
9. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 16. – Д. 177.
10. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 13. – Д. 2.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 5. 1927 г. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИРИ РАН, 2003. – 804 с.
12. Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М.: Готика, 1998. – 253 с.
13. Євтух В.Б., Чирко Б.В. Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). – К.: Інтел, 1994. – 182 с.
14. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М.: ИВДК: Лит. агентство Варяг, 1995. – 317 с.
15. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 42. – Д. 99.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 85. – Д. 289.
17. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920 – 1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / Сост. А.И. Савин. – Новосибирск; СПб., 2006. – 496 с.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 6. 1928 г. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 804 с.
19. Иваненко В.В., Голуб А.И. Голод начала 30-х годов и судьба немецких колонистов // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. – Днепропетровск 1996. – С. 150-156.
20. Mick C. Sowjetische Propaganda. Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928-1932. – Stuttgart: Franz Steiner, 1995. – 490 s.
21. Auhagen O. Die Schicksalswende des rußlanddeutschen Bauerntums in den Jahren 1927-1930. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1942. – 197 s.
22. Hedeler W., Savin A. Die Deutschen in der UdSSR – eine “fünfte Kolonne”. Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. – 2006. – № 2(3). – S. 309-310.
23. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 744.
24. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 755.
25. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 757.
26. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 764.
27. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 771.
28. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 772.
29. Klaube M. Die Mennoniten-Dörfer im Amurgebiet – Verlauf und Entwicklung der letzten größeren deutschen Mennonitenkolonisation in Russland // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. – 2000. – № 10. – S. 5-62.
30. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 822.
31. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 42. – Д. 95.
32. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 717.
33. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 719.
34. Судоргина Т.В. Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // Архивы Урала. – 1995. – № 2. – С. 198-200.
35. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 525 с.

36. Савин А.И. Эмиграция меннонитов из СССР 1929 г. в свете документов Архива внешней политики РФ // Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. – Омск 2010. – С. 312-322.
37. Ruland B. Deutsche Botschaft Moskau: 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West. – Hestia, Bayreuth, 1964. – 502 s.
38. Dirksen von H. Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Aussenpolitik (1919-1939). – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1949. – 279 s.
39. Das deutsche Elendvorden Toren Moskaus // Hamburger Fremdenblatt. – 1929. – 25 Oktober.
40. Die Sibiriendeutschen vor Moskau. Wird die Ausreiseerlaubnis erteilt? // Kölnische Zeitung. – 1929. – 26 Oktober.
41. Deutsche Sibirienbauern nach Kanada // Vossische Zeitung. – 1929. – 29 Oktober.
42. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 786.
43. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 7.
44. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 791.
45. ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 124. – Д. 59.
46. Quiring W. Die Urenkel kehren heim. Die Massenflucht der rußlanddeutschen Bauern 1929. // Deutschtum im Ausland. – 1935. – № 5(22). – S. 263-277.
47. Quiring W. Die Tragödie eines Auswanderungsversuchs. // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland: 1985-1989. – Stuttgart, 1990. – S. 100-101.
48. Day D. 90.000 Russian Mennonites May Migrate; Cruel Soviet Policies Have Utterly Ruined Russia's Best Farmers // Mennonite Weekly Review. – 1929. – November 13. – P. 1.
49. Den Kulaken wird der Boden zu heiß // Rote Fahne (Berlin). – 1929. – 9 November. – 1929.
50. Die Not der Deutschen in der UdSSR ein entlarvter Wahlschwindel // Rote Fahne (Berlin). – 1929. – 14 November.
51. Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 8. – С. 33-35.
52. Das Rote Kreuz bei Notständen: Deutsche-Russen-Hilfe 1929/30 // Blatt des Deutschen Roten Kreuzes. – 1930. – № 3(9). – S. 119-128.
53. Auhagen O. Die Ursachen der Massenflucht der deutschen Bauern aus Sowjetrußland // Deutsche Post aus dem Osten. – 1930. – № 1(5). – S. 271-273.
54. Rosenberg A. Das deutsche Bauernsterben in Sowjetrußland. // Völkischer Beobachter. – 1929. – 29 November.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (futher – GARF) [The State Archive of the Russian Federation (futher – GARF)]. F. R-3316. Op. 23. D. 1339. [In Russian].
2. Toews, J.B. (1967). *Lost Fatherland. The story of Mennonite emigration from Soviet Russia, 1921-1927*. Scottsdale, Pa.: Herald Press. [In English].
3. Dzhafarli, M. (1988). *Politicheskiy terror i sud'by azerbaydzhanskikh nemtsev* [Political terror and the fate of Azerbaijani Germans]. Baku. [In Russian].
4. Unger, H. (1923). Ein paar Worte über die Emigration der Ukrainer Mennoniten nach Amerika. *Die Arbeit*, 1, (20), ss. 471-473. [In German].
5. Savin, A.I. (ed.) (2009). *Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920-1930-ye gody: emigratsiya i repressii. Dokumenty i materialy* [Ethnic denomination in the Soviet state. Mennonites of Siberia in the 1920-1930s: emigration and repression. Documents and materials]. Novosibirsk: Posokh. [In Russian].
6. Ehart, A. (1932). *Das Mennonitentum in Rußland*. Langensalza-Berlin-Leipzig: Verlag von Julius Beltz. [In German].
7. Detlef, B. & Savin, A. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919-1938*. Essen: Klartext Verl. [In German].

8. GARF. F. R-3316. Op. 17. D. 677. [In Russian].
9. GARF. F. R-3316. Op. 16. D. 177. [In Russian].
10. GARF. F. R-3316. Op. 13. D. 2. [In Russian].
11. Sakharov, A.N. & Khristoforov, V.S. (2003). “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.): Sb. dok. v 10 t. T. 5. 1927 g.* [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922-1934): Coll. Doc. in 10 vol. Vol. 5. 1927]. Moskva: IRI RAN. [In Russian].
12. Ostasheva, N.V. (1998). *Na perelome epokh... Mennonitskoye soobshchestvo Ukrainy v 1914-1931 gg.* [At the turn of the era ... Mennonite community of Ukraine in 1914-1931]. Moskva: Gotika. [In Russian].
13. Yevtukh, V.B. & Chyrko, B.V. (1994). *Nimtsi v Ukrayini (1920-i – 1990-i roky)* [Germans in Ukraine (1920s - 1990s)]. Kyiv: Intel. [In Ukrainian].
14. Belkovets, L.P. (1995). “*Bol'shoy terror*” i sud'by nemetskoy derevni v Sibiri (konets 1920-kh – 1930-ye gody) [“The Great Terror” and the fate of the German village in Siberia (late 1920s – 1930s)]. Moskva: IVDK: Lit. agentstvo Varyag. [In Russian].
15. GARF. F. R-3316. Op. 42. D. 99. [In Russian].
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (further – RGASPI) [The Russian State Archive of Socio-Political History (further - RGASPI)]. F. 17. Op. 85. D. 289. [In Russian].
17. Savin, A.I. (ed.) (2006). *Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920 – 1980-ye gody. Annotirovanny perechen' arkhivnykh dokumentov i materialov. Izbrannyye dokumenty* [Ethnic denomination in the Soviet state. Mennonites of Siberia in the 1920s – 1980s. An annotated list of archival documents and materials. Selected Documents]. Novosibirsk; SPb. [In Russian].
18. Sakharov, A.N. & Khristoforov, V.S. (2002). “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.): Sb. dok. v 10 t. T. 6. 1928 g.* [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922-1934): Coll. Doc. in 10 vol. Vol. 6. 1928]. Moskva: IRI RAN. [In Russian].
19. Ivanenko, V.V. & Golub, A.I. (1996). Golod nachala 30-kh godov i sud'ba nemetskiikh kolonistov [The famine of the early 30s and the fate of the German colonists]. *Voprosy germanskoy istorii. Nemtsy v Ukraine* [Questions of German history. The Germans in Ukraine]. (Pp. 150-156). Dnepropetrovsk. [In Russian].
20. Mick, C. (1995). *Sowjetische Propaganda. Fünffjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928-1932.* Stuttgart: Franz Steinez. [In German].
21. Auhagen, O. (1942). *Die Schicksalswende des rußlanddeutschen Bauerntums in den Jahren 1927-1930.* Leipzig: Verlag von S. Hirzel. [In German].
22. Hedeler, W. & Savin, A. (2006). Die Deutschen in der UdSSR – eine “fünfte Kolonne”. Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. *Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 2, (3), ss. 309-310. [In German].
23. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 744. [In Russian].
24. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 755. [In Russian].
25. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 757. [In Russian].
26. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 764. [In Russian].
27. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 771. [In Russian].
28. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 772. [In Russian].
29. Klaube, M. (2000). Die Mennoniten-Dörfer im Amurgebiet – Verlauf und Entwicklung der letzten größeren deutschen Mennonitenkolonisation in Russland. *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen*, 10, ss. 5-62. [In German].
30. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 822. [In Russian].
31. GARF. F. R-3316. Op. 42. D. 95. [In Russian].

32. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 717. [In Russian].
33. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 719. [In Russian].
34. Sudorgina, T.V. (1995). Emigratsiya orenburgskikh nemtsev 1929 g. i yeye itogi [The emigration of Orenburg Germans in 1929 and its results]. *Arkhivy Urala* [Archives of the Urals], 2, pp. 198-200. [In Russian].
35. Danilov, V.P. & Ivnitkiy, N.A. (1989). *Dokumenty svidetel'stvuyut. Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii 1927-1932 gg.* [Documents attest. From the history of the village on the eve and during the collectivization of 1927-1932]. Moskva: Politizdat. [In Russian].
36. Savin, A.I. (2010). Emigratsiya mennonitov iz SSSR 1929 g. v svete dokumentov Arkhiva vneshney politiki RF [Mennonite emigration from the USSR in 1929 in the light of documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura. Materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Germans of Siberia: History and Culture. Materials of the VI international scientific and practical conference]. (Pp. 312-322). Omsk 2010. [In Russian].
37. Ruland, B. (1964). *Deutsche Botschaft Moskau: 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West.* Hestia, Bayreuth. [In German].
38. Dirksen von, H. (1949). *Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Aussenpolitik (1919-1939).* Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag. [In German].
39. (1929). Das deutsche Elendvorden Toren Moskaus. *Hamburger Fremdenblatt*, 25 Okt. [In German].
40. (1929). Die Sibiriendeutschen vor Moskau. Wird die Ausreiseerlaubnis erteilt? *Kölnische Zeitung*, 26 Okt. [In German].
41. (1929). Deutsche Sibirienbauern nach Kanada. *Vossische Zeitung*, 29 Okt. [In German].
42. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 786. [In Russian].
43. RGASPI. F. 17. Op. 162. D. 7. [In Russian].
44. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 791. [In Russian].
45. GARF. F. 1235. Op. 124. D. 59. [In Russian].
46. Quiring, W. (1935). Die Urenkel kehren heim. Die Massenflucht der rußlanddeutschen Bauern 1929. *Deutschum im Ausland*, 5, (22), ss. 263-277. [In German].
47. Quiring, W. (1990). Die Tragödie eines Auswanderungsversuchs. *Heimatbuch der Deutschen aus Rußland: 1985-1989.* (Ss. 100-101). Stuttgart. [In German].
48. Day, D. (1929). 90.000 Russian Mennonites May Migrate; Cruel Soviet Policies Have Utterly Ruined Russia's Best Farmers. *Mennonite Weekly Review*, Nov. 13, p. 1. [In English].
49. (1929). Den Kulaken wird der Boden zu heiß. *Rote Fahne*, 9 Nov. [In German].
50. (1929). Die Not der Deutschen in der UdSSR ein entlarvter Wahlschwindel. *Rote Fahne*, 14 Nov. [In German].
51. Kichikhin, A.N. (1990). Sovetskiye nemtsy: otkuda, kuda i pochemu? [Soviet Germans: where, where and why?]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 8, pp. 33-35. [In Russian].
52. (1930). Das Rote Kreuz bei Notständen: Deutsche-Russen-Hilfe 1929/30. *Blatt des Deutschen Roten Kreuzes*, 3, (9), ss. 119-128. [In German].
53. Auhagen, O. (1930). Die Ursachen der Massenflucht der deutschen Bauern aus Sowjetrußland. *Deutsche Post aus dem Osten*, 1, (5), ss. 271-273. [In German].
54. Rosenberg, A. (1929). Das deutsche Bauernsterben in Sowjetrußland. *Völkischer Beobachter*, 29 Nov. [In German].

Деннінґхаус В. «Ми не такі дурні, щоб влаштовувати бунти та повстання...»: спроба масової еміґрації німецького населення з СРСР до Канади у 1929 р.

Масова втеча німецьких селян в Москву в 1929 р. привернула увагу міжнародної громадськості до важкого становища радянських німців. Несподівано запеклий опір німецького

сільського населення політиці соціалістичних перетворень, його бажання виїхати з СРСР до Канади, що супроводжувалося відповідними закликами до Заходу, зміцнили недовіру правлячого режиму до «нелояльних» національностей. Відповідно до того, як погіршувалися відносини між СРСР і Німеччиною, в Москві зростало упередження проти німців як надзвичайно реакційної групи населення, яка дискредитує радянський лад в очах світової громадськості. Політбюро ЦК ВКП(б) приділило «емігрантам» велику увагу не тільки тому, що периферія виявилася не в змозі впоратися з цією проблемою, але і тому, що мова йшла про західні нацменшини. Окрім того ця група, організовано виступила проти політики радянської влади, не вкладалася в «класову» схему, так як серед німецьких селян, які вирішили емігрувати з СРСР, були переважно середняки і бідняки. В позиції до радянської системи виявилася не соціальна, а національна група. Режим вирішив це протиріччя, переставши вважати охоплених «американською лихоманкою» німецьких селян «нейтральними» і колективно перевівши їх в розряд «класових ворогів». На тлі примусової колективізації Кремль розцінив масовий рух німців за виїзд з СРСР як безпосередню підтримку «правих ухильників», що надавало цьому руху «антирадянського характеру». Належність втікачів і їх численних прихильників до західного меншості спонукала органи ОГПУ шукати організаторів еміграційного руху по той бік кордону. Мирна еміграція німців з СРСР виявилася специфічним, але дуже дієвим засобом протесту проти колективізації. Її лавиноподібний характер, так само як і звернення за допомогою до Німеччини як до «історичної батьківщини» були розцінені як прояв нелояльності до СРСР всього німецького населення країни. Політика протекторату з боку Німеччини, спрямована на захист життя, власності і основних прав своєї «діаспори», виражалася як в дипломатичному натиску на Кремль, так і в конкретних актах допомоги радянським німцям. Подібне заступництво німцям в СРСР неминуче пробуджувало у кремлівського керівництва побоювання, що вони, особливо в атмосфері незворотньої війни, становлять загрозу для безпеки держави.

Ключові слова: СРСР, Канада, Німеччина, радянські німці, національні меншини, колективізація, еміграція, зовнішня політика.

Dönninghaus V. “We are not so Fuzzy to Build Riots and Rebellion...”: Attempt of Massive Exemption of German Population from the USSR to Canada in 1929.

The mass exodus of German peasants to Moscow in 1929 attracted international attention to the plight of Soviet Germans. The unexpectedly stubborn resistance of the German rural population to the policy of socialist transformations, his desire to leave the USSR for Canada, accompanied by appropriate calls for the West, reinforced the regime's distrust of “disloyal” nationalities. As relations between the USSR and Germany worsened, prejudice grew in Moscow against the Germans as an extremely reactionary group of people that discredited the Soviet system in the eyes of the world community. The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (Bolsheviks) paid great attention to the “emigrants” not only because the periphery was unable to cope with this problem, but also because it was a question of Western national minorities. Moreover, this group, which in an organized manner opposed the policy of the Soviet regime, did not fit into the “class” scheme, since among the German peasants who decided to emigrate from the USSR, there were mainly middle peasants and poor people. The opposition to the Soviet system was not a social, but a national group. The regime resolved this contradiction by ceasing to consider the German peasants engulfed by the “American fever” “neutral” and collectively transferring them to the category of “class enemies”. Against the background of forced collectivization, the Kremlin regarded the mass movement of Germans for leaving the USSR as direct support for the “right deviators”, which gave this movement an “anti-Soviet character”. The belonging of the fugitives and their many supporters to the Western minority prompted the organs of the OGPU to look for the organizers of the emigration movement on the other side of the border. Peaceful emigration of Germans from the USSR turned out to be a specific, but very effective way of protesting collectivization. Its avalanche-like character, as well as the appeal for help to Germany as a “historical homeland” was considered a

manifestation of disloyalty to the USSR of the entire German population of the country. Germany's protectorate policy aimed at protecting the life, property and fundamental rights of its "diaspora" was expressed both in diplomatic pressure on the Kremlin and in specific acts of assistance to Soviet Germans. Such patronage of the Germans in the USSR inevitably aroused fears among the Kremlin leadership that they, especially in the atmosphere of impending war, pose a threat to the security of the state.

Keywords: *USSR, Canada, Germany, Soviet Germans, national minorities, collectivization, emigration, foreign policy.*